

АННА ПАВЛОВА: ЛЕБЕДИНАЯ ВЕРНОСТЬ ПОПОЛАМ С ЖЕНСКОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

Семь дней — 2004. — 8-14 марта. — с. 83 — 91

1909 год... Петербург потрясла новость: любимец большого света барон Дандре арестован за растрату. Говорили, что все деньги он спустил на свою содержанку, балерину Анну Павлову, и что от ее показаний на процессе многое зависит.

Впрочем, никто не знал, захочет ли Анна прервать долгожданные парижские гастроли, где у нее, кажется, вспыхнул новый роман...

РИА-НОВОСТИ

Павлова
в театральном
училище

Над набережной Сены полощется ветром огромная афиша, сделанная по эскизу Валентина Серова: на сером фоне мелом и углем — Павлова, парящая в арабеске. Надпись гласит: «Русские сезоны в Париже». Целое столетие французские балетмейстеры и танцовщики приезжали в дремучую Россию и производили там фурор, а теперь русская балерина Павлова каждый вечер выходит на сцену театра «Шатле» в своем знаменитом «Умиравшем лебеде»! На корсаж белого платья Анна прикалывала алую гранатовую брошь, символизирующую смертельную рану. Брошь сверкала, взлетали и опалили выразительные гибкие руки, трепетал белый пух юбочки... Композитор Камиль Сен-Санс, увидев Анну в «Лебеде», сказал: «Мадам, благодаря вам я понял, что написал прекрасную музыку!» Несколько скульпторов с мировым именем выстроились в очередь, чтобы лепить с натуры божественную ножку «жемчужины «Русских сезонов»!

— Я должна спешно покинуть Париж, — заявила «жемчужина» Дягилеву в разгар всего этого успеха. — Если нужно выплатить штраф за нарушение контракта, назовите сумму.

Дягилев не удивился: до Парижа уже докатились слухи об аресте покровителя

БЕТМАНН/ГОРБИС/АРХ

УЧИЛИЩЕ ДЛЯ СОДЕРЖАНОК

Павловой — высокого правительственного чиновника барона Виктора Эмильевича Дандре. Что-то такое неприятное, позорное, связанное со взяткой при сдаче подряда на постройку Охтинского моста... Знал Дягилев и о том, что в Петербурге Дандре сочувствуют, а Павлову осуждают: мол, высосала из богатого любовника все до капельки, да и упорхнула, бессердечная, в Париж и там ответила на ухаживания первого балетного красавца Михаила Мордкина (тоже участника «Сезонов»). В Аннушкино бессердечие и корысть, равно как и в ее роман с Мордкиным, Дягилев не верил и был готов к тому, что Павлова в любой момент запросится в Петербург.

— Конечно, для меня это серьезный удар, но человек, которого вы любите, попал в беду, — сказал благородный Дягилев. — Не нужно никакого штрафа. Поезжайте в Петербург и передайте мой поклон барону Дандре.

— Я вовсе не собираюсь в Петербург, с чего вы взяли?! Просто подписала другой контракт, еду в Америку, потом — в Лондон, буду гастролировать в «Паласе»...

— Как не собираетесь в Петербург?! Как в «Паласе», Анна?! Вы хотите сказать, что отказываетесь продолжать лучшие в своей жизни гастроли ради контракта с мюзик-холлом? Если не ошибаюсь, в этом «Паласе» выступают жонглеры, чревовещатели и дрессированные собачки, а по рядам зрительного зала ходят торговцы горячими пирожками... И там станете танцевать вы, первая из русских балерин?!

— За 1200 фунтов в неделю — стану! Кстати, Мордкин едет со мной.

— Ну, Анна, у меня просто нет слов! Это же пошло, это же унижает вас!

«Что этот благополучный барственный извращенец знает о любви, деньгах и унижении?» — злилась Анна, пакуя чемоданы. Вот ее, Павлову, унижали всю жизнь! Взять хотя бы того же Дандре, поставившего ее в мучительное положение незаконной жены. А ведь это невыносимо, примерно так же, как быть незаконнорожденной!

Павлова еще в ранней юности вынуждена была придумать себе биографию и потом много лет подряд рассказывала ее слово в слово. Мол, ее отец, рядовой Семеновского полка Матвей Павлович Павлов, умер молодым, когда ей самой было года два, и они с матерью — прачкой Любовью Федоровной, женщиной глубоко религиозной и честной, — отчаянно нуждались. Случалось, что даже нечего было есть, кроме пустых шей. И все же однажды мать слезла с подарком — взяла билеты на галерку Мариинки на балет «Спящая красавица»... Вот и стала девочка просить: «Отдай меня, мама, учиться балету». «Нам же придется расстаться», — плакала мать, а Нюрочка отвечала: «Если это необходимо, чтобы танцевать, тогда, значит, надо расстаться». Впрочем, отдать дочь в театральное училище на полное казенное обеспечение было лучшим выходом для нищей прачки.

Не рассказывать же было Аннушке, что ее настоящий отец — банкир Лазарь Поляков, в доме которого Любовь Федоровна служила когда-то горничной. Что банкирских отступных «за позор» хватило и на добротный двухэтажный домик в Лигово, и на собственную прачечную — какие уж там пустые щи! И что в театральное училище, куда порядочные люди дочерей не отдавали (в те времена не было танцовщицы, не состоявшей на содержании у кого-то из влиятельных господ), Анну спланировали, потому что отчим Матвей Павлов — кстати, доживший до старости — ее ненавидел, а мать считала обузой...

...Императорское театральное училище располагалось в двух шагах от Невского проспекта с его вельможами, каретами, лавками, кондитерскими и Гостиным двором. Впрочем, ход на Невский был заказан «пепиньеркам» (так называли будущих танцовщиц, проживавших в училище постоянно, в отличие от экстернаток). Даже на самые короткие расстояния их вывози-

С Виктором Дандре. 1913 г.

BETT MANN/CORBIS/RFK

Волны страсти, исходящие от Павловой и Мордкина, ощущались даже в зрительном зале. 1910 г.

ли в закрытой старомодной карете. Одевались пепиньерки в серые полотняные платья с квадратным вырезом, короткими пелеринками и юбками до половины икры. Порядки в училище царили строгие: после того как одна ученица сбежала с офицером, их перестали отпускать домой на летние каникулы. В свободное от репетиций время девочки вышивали или читали книги из строго утвержденного списка. В спальнях должен был царить идеальный порядок. И даже в домашнюю церковь пепиньерки ходили в сопровождении классных дам. Зато, когда на чай в ученическую столовую заглядывал кто-то из мужчин августейшей фамилии, обращение становилось вольным до неприличия: особо красивых учениц великие князья, а то и сам государь частенько сажали к себе на колени. Впрочем, Павлова такой «честь» не удостоивалась: из-за своей худобы она не считалась даже хорошенькой, впрочем, в танцевальном таланте ей не было равных...

И вот, наконец, училище позади, у шестнадцатилетней Павловой — премьера в Мариинке. И хотя швейцар у входа в театр «забыл» ей поклониться, а кордебалет судачит о том, какие дешевые гримировальные принадлежности, ветхие тюники и простенькие туфельки у новой солистки, Анна полна счастливых предчувствий. Об-

лизнув губы и перекрестившись, она шагает из полумрака кулис на сцену, так легко переступая своими тонкими ногами с необычайно высоким подъемом, что, казалось, вот-вот улетит. Древняя старуха графиня Бенкендорф, известная своим пророческим даром, сказала: «Так и упорхнет из России».

Скоро Аннушку взяла под свое покровительство сама Матильда Кшесинская — прима Мариинки, состоявшая в разное время в любовницах чуть ли не у всей мужской половины дома Романовых, включая Николая Второго (в Петербурге ее за глаза звали не иначе как «царской ведьмой»). На своих журфиксах Кшесинская настойчиво сводила Павлову с великим князем Борисом Владимировичем. Однажды Матильда подарила Анне прелестный карандаш из платины с бриллиантами и рубинами: «Эта маленькая вещица ничего не стоит по сравнению с тем, что ты могла бы иметь в подарок от великого князя».

Вот только Павлова, в детстве вловив хлебнув позорной незаконности своего положения, меньше всего на свете хотела стать содержанкой. И точно знала: без перспектив выйти замуж никаких драгоценностей ей не нужно! Вот тут-то в ее жизни и появился Виктор Эмильевич Дандре — закадычный приятель первого из балетных

интриганов, генерала Николая Михайловича Безобразова...

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ЛЮБИЛ ДОМАШНИХ ПТИЦ

Почетный член корпорации балетоманов Николай Михайлович Безобразов имел многочисленные связи в прессе и управлял таким образом вкусами райка (в результате стараний Безобразова одним бешено аплодировали, других могли и обшिकать). Неизвестно, любил ли его превосходительство домашних птиц, но хороших балетных девиц под свое покров-

ительство брал охотно. В первые годы нового века генерал симпатизировал балерине Преображенской — главной конкурентке Кшесинской. Но вступать в открытое противоборство с «царской ведьмой» было слишком опасно. В этой шахматной партии необходимо было пожертвовать какой-нибудь пешкой — в роли этой самой пешки и предполагалось использовать юную, гениально одаренную Павлову. Действовать его превосходительство решил через своего молодого приятеля по Английскому клубу — барона Дандре.

Виктор был красавец и щеголь, блестяще образован (знал около десяти языков),

HULTON ARCHIVE/FOTOBANK.COM

На вечере некой мисс Винсент Анна выпорхнула из корзины с розами. Кафешантан? Пусть! Ей очень нужны были деньги...

хорошо воспитан, галантен и остроумен, как и положено выходцу из французского аристократического рода. Фортуна благоволила к нему, и должность, которую он занимал, была весьма высокой для его молодых лет... Предложение генерала Безобразова вступить в увлекательную, веселую и смертельно опасную битву с высокими покровителями Кшесинской Дандре принял с восторгом: «Это будет шикарно!» Вряд ли он понимал тогда, чем обернется участие в этой игре и кем станет для него девушка, которой предназначалась роль игрушки...

По плану Дандре прежде всего должен был «влюбить» в себя Павлову, чтобы потом сплести через нее тонкую сеть около-театральной интриги. При первой встрече «малютка из балета» ему не слишком понравилась: такая тшедушная — весит всего 44 килограмма, никакой женской стати, никакой округлости форм! Впрочем, лицо ее было прелестно: высокий лоб, нос с легкой горбинкой, влажные глаза цвета спелой вишни. Но лучше всего были ее тонкие выразительные руки. Анна была нежна и покладиста, ее сбивчивая, шепечущая речь, ребячливая веселость были так трогательны... В общем, Дандре и сам не заметил, как увлекся, да и Аннушка не устояла перед его огненными глазами и щегольски подкрученными усиками.

Их отношения сразу сделались какими-то слишком серьезными. Было видно, что Павлова по-настоящему влюблена и что ожидает от этой связи чего-то неслыханного, невозможного! Она отчего-то решила, что ее великий танцевальный талант уравнивает ее с Виктором. И что раз династическая разница между ней, незаконнорожденной дочерью горничной, и бароном Дандре не так велика, как между ней же и великим князем Борисом Владимировичем Романовым, то брак возможен. Глупышка! Но он, Дандре, еще не сошел с ума!

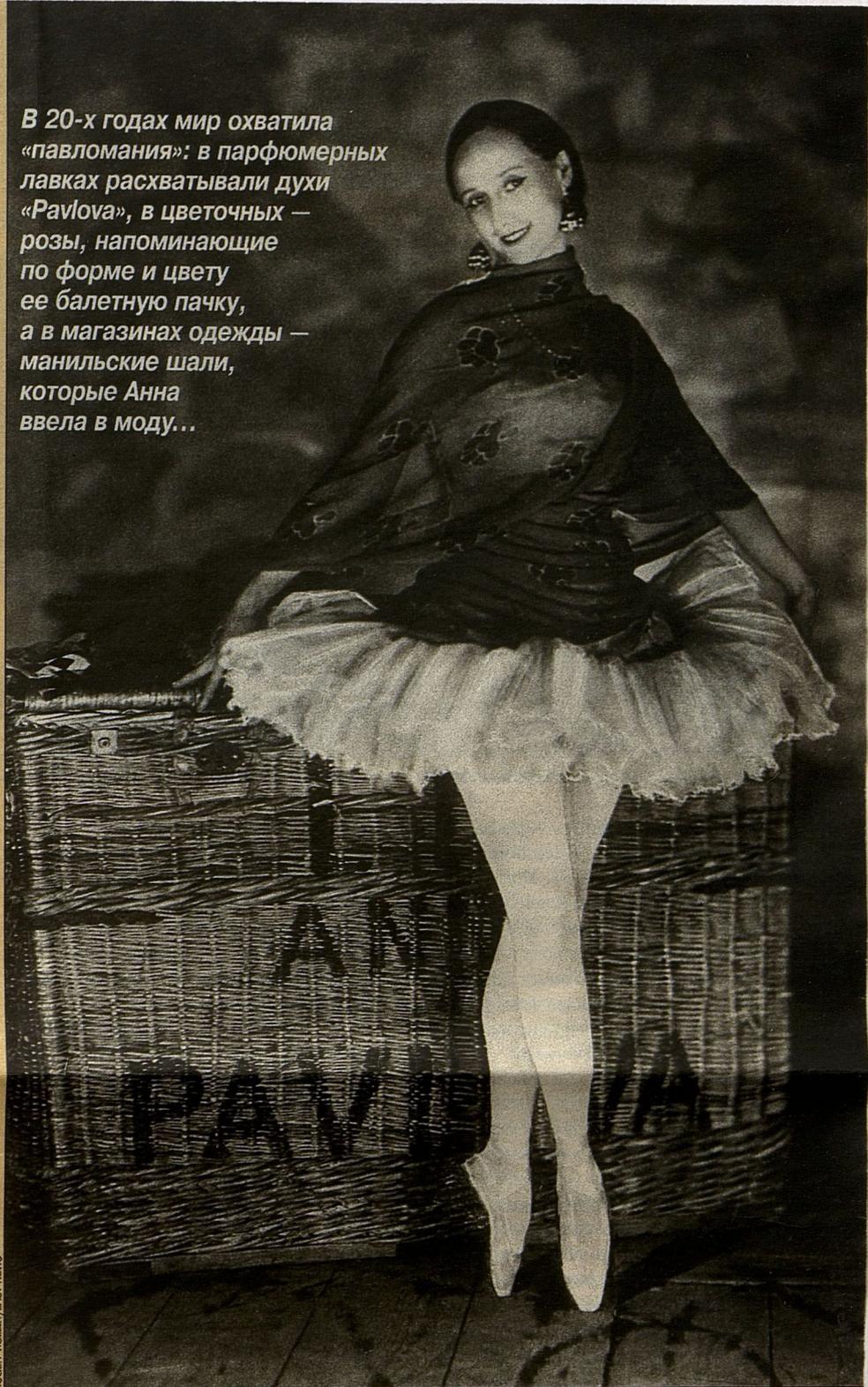
Через Безобразова Дандре доставал для Анны ведущие партии. Оплачивал хореографам постановки. Покупал костюмы.

Снял для нее шикарную квартиру на Офицерской улице. Казалось, у нее есть все, чтобы быть счастливой. Ей дарован титул «балерина» (в те годы это был именно титул, которым награждались только самые выдающиеся танцовщицы, и «балерин» насчитывалось всего пятеро на всю Россию). Студенты то и дело нанимаются рабочими сцены — лишь бы посмотреть на гениальную Павлову вблизи. Когда Анна выходит из театра после спектакля, балетоманы усаживают ее на стул и с криками «браво!» доносят до экипажа. Дандре гордился: ведь Павлова стала Павловой во многом благодаря его помощи и поддержке! И Кшесинскую они победили — теперь раек совсем не аплодирует Матильде, скандируя: «Павлову! Павлову! Павлову!» Даже Преображенская, ради которой и затевалась интрига, осталась в тени... Жаль, что сама Аннушка так мало ценит то, что он для нее сделал. Все тревожится: отчего Дандре не хочет переехать со своей Итальянской к ней на Офицерскую? Все смотрит на него своим дятливым, умоляющим, полным надежды взглядом. А тут даже стала поговаривать, что он сломал ей жизнь!

А потом по Петербургу поползли слухи о готовящейся женитьбе Дандре... на родственнице генерала Безобразова! Виктор уверял, что это лишь пустые домыслы, но Анна ему не верила. В те дни она жаловалась кому-то из подруг: «Да что такое артистка? Содержанка? Неудачница? Крепостная? Авантюристка? Я поначалу боролась — начала кутить, чтобы что-то ему доказать». Доказать ничего было нельзя! Тогда Павлова стала много гастролировать: Рига, Копенгаген, Стокгольм, Лейпциг, Прага, Вена — лишь бы подальше от Петербурга, от Дандре, от своих несбывшихся надежд...

В 1909 году Виктор познакомил Анну со своим приятелем — Сергеем Павловичем Дягилевым, тот хотел заполучить ее в свои «Сезоны». И вот в назначенный день Дандре провожает Павлову на вокзал. Грузчики все вносят и вносят в вагон бесчислен-

В 20-х годах мир охватила «павломания»: в парфюмерных лавках расхватывали духи «Pavlova», в цветочных — розы, напоминающие по форме и цвету ее балетную пачку, а в магазинах одежды — манильские шали, которые Анна ввела в моду...

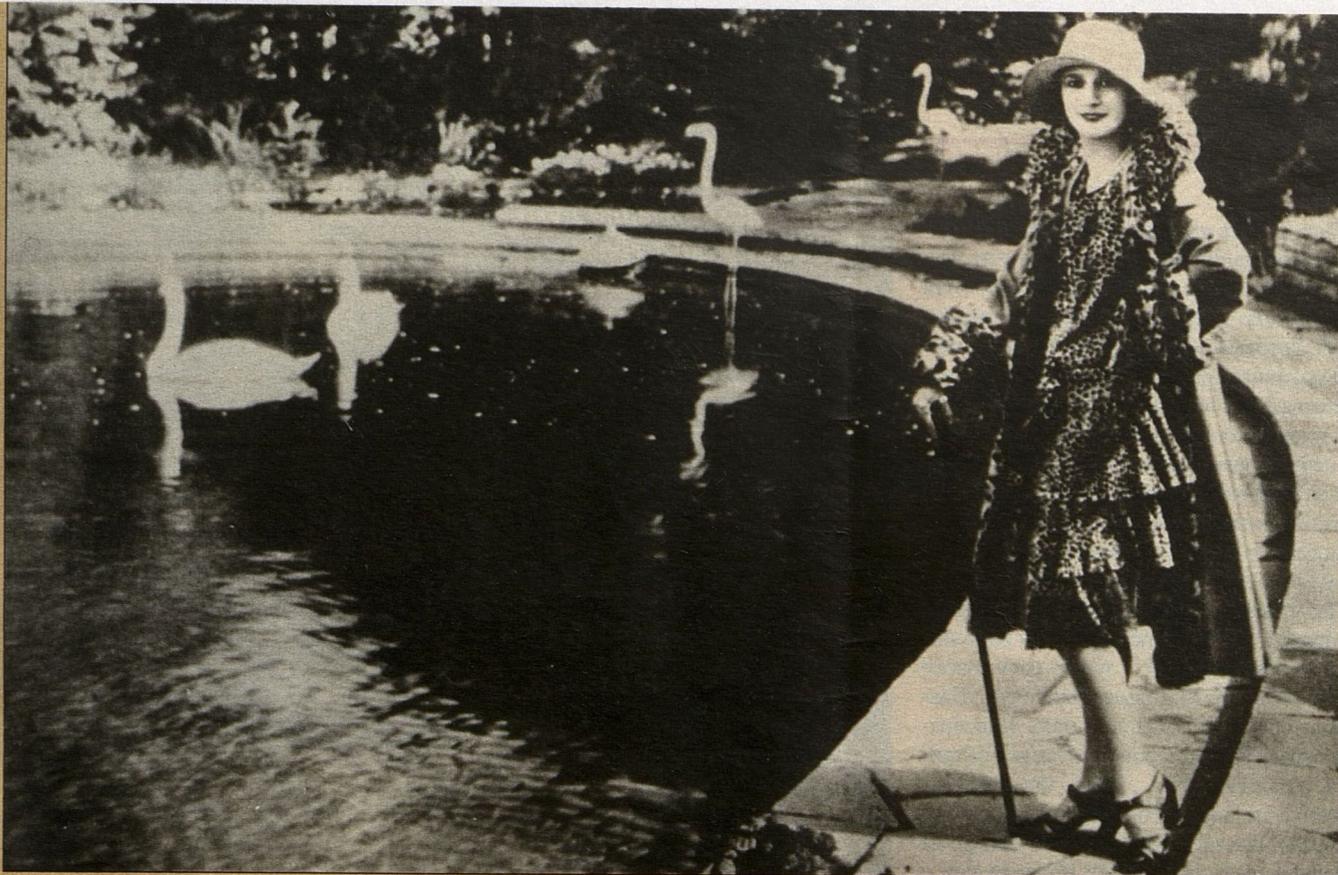
ROGER-VOLLET/EAST NEWS

Вкус чая согретого солнцем

День современного человека перегружен делами и заботами, а иногда так хочется просто посидеть спокойно и попить чайку. Ведь известно, что чашка вкусного ароматного чая помогает расслабиться, передохнуть и собраться с мыслями.

И не беда, если у вас под рукой нет заварочного чайника — на помощь придет отличный пакетированный чай «Принцесса Нури» Отборный

В саду у Анны был пруд, где плавали лебеди с подрезанными крыльями. Один из них, по имени Джек, был предан ей как собака

ные саквояжи, корзины, свертки... Павлова все пересчитывает их, ошибается и принимается считать снова. Когда кажется, что все сошлось, Анна вскрикивает: «А где же клетка с моей птичкой?!» К счастью, клетка обнаруживается под столом, и Павлова благополучно отбывает в Париж: одной рукой машет Дандре через окно, другой утирает слезы. На прощание она сунула ему запечатанный конверт.

«Анна совершенно не приспособлена к жизни, — думал Виктор, глядя вслед уходящему поезду. — Была бы у меня не одна, а две жизни, вторую я непременно посвятил бы ей — опекал, успокаивал, заботился, чтобы ее не надули с гонорарами, следил за упаковкой ее багажа, наконец!» Распечатав конверт, он обнаружил короткую записочку: «Я не вернусь к тебе! И не прощуй! Все кончено». Ну что ж! Ведь жизнь у Дандре все-таки одна, и он не может пожертвовать ради Анны своим положением в обществе, чистотой своего рода! Конечно — значит кончено. Ему пора ехать на службу, председательствовать на заседании по строительству Охтинского моста.

Через несколько месяцев именно из-за этого моста Дандре и угодил под арест! Впрочем, знающие люди говорили: он воровал не больше и не меньше, чем все другие чиновники, и дело тут вовсе не во взятке — не надо было «наступать на мозоли» могущественной Кшесинской!

ЛЯГУШАЧЬИ ЛАПКИ А-ЛЯ ПАВЛОВА И ЯЙЦА А-ЛЯ МОРДКИН

Михаил Мордкин и Анна прекрасно смотрелись в паре: она — хрупкая, поэтичная, нервная, он — мощный атлет с огненным темпераментом. В танце «Ваханалия» они, словно опьяненные любовью и вином, вылетали на сцену в страстном объятии, держа над собой полотнище пламенного цвета. Зал чувствовал волны страсти, исходившие от этой пары. Слухи о своей любовной связи артисты не подтверждали и не опровергали: Павлова лишь кокетливо улыбалась, а Мордкин бормотал: «Об-

ручены? Да нет, сейчас нет. Я хочу сказать: нет. Конечно, нет. Мы думаем только об искусстве». Впрочем, это было хорошей рекламой в падкой до интимных подробностей Америке... Особенно пикантным публике казалось, что Мордкина на гастролях сопровождала жена, танцовщица Бронислава Пожицкая.

Уйдя от Дягилева, Павлова с Мордкиным охотно соглашались выступать в частных домах. Так, на вечере некоей миссис Винсент главным подарком гостям была гигантская корзина с розами, из которой великая балерина Анна Павлова выпорхнула в очень открытом платье (ей заплатили за это 500 долларов, что равнялось примерно тысяче рублей — неслыханный гонорар за вечер!). Унижение высокого балетного искусства, низведенного до уровня кафешантана, Павлову нисколько не тревожило — ей действительно очень нужны были деньги! Расстраивало другое: «звездная болезнь», которой ее партнер заразился в Америке. Дело в том, что брутальные жители Нового Света никогда не жаловали танцовщиков-мужчин — они казались им слишком жеманными. Другое дело Мордкин с его мужественностью и атлетизмом! В газетах писали: «Выносливость русского танцовщика способна устыдить бегунов на длинные дистанции»...

И вот Михаил уже претендует на равные с Павловой права. Требуется, чтобы в анонсах выступлений непременно значилось: «идеальный Мордкин». И, обнаружив в меню ресторана блюдо «Лягушачьи лапки а-ля Анна Павлова», гневно вопрошает хозяина: почему нет ничего названного в честь Мордкина? На другой день в том ресторанном меню появилось новое блюдо: «Яйца а-ля Мордкин». Михаил гордился...

Гром грянул на пятый день выступления Павловой и Мордкина в лондонском «Паласе» — том самом, с чревовещателями, акробатами, дрессированными собачками и пирожками в зрительном зале. Впрочем, торговцы пирожками были безжалостно изгнаны, как только посмотреть

на великую Павлову в мюзик-холл потянулась великосветская публика. В тот день на представление пожаловал сам принц Уэльский с супругой и сыном... А Анна вдруг возьми да и залепи прямо на сцене громкую пощечину партнеру. Позднее она объяснила, что Михаил чуть не уронил ее, намеренно грубо выполняя поддержку. Сам он обвинил Павлову в том, что она хотела поставить ему подножку. В газетах намекали, что Павлова просто мстит Мордкину, не ответившему на ее любовь...

...Десятилетия спустя по Москве прошел слух: Мордкин сошел с ума. Он все время разговаривал с кем-то невидимым. Например, когда его ученик в балетной студии плохо танцевал, Мордкин возводил глаза к небу и восклицал: «Смотри, Анечка, он же ничего не умеет!» В гостиной у Мордкина висел портрет Павловой в ее излюбленном одеянии (только нижняя юбка и длинный широкий шарф, драпирующий все тело и закрепленный булавками. Длинная бахрома шарфа свисает на руки, заменяя рукава). Михаил Михайлович все шептал что-то себе под нос, все смеялся каким-то невеселым смехом, глядя на этот портрет. Его родные стали поговаривать о паранойе. А может, это просто прорывалась наружу давняя любовь, утонувшая когда-то в потоках разбушевавшегося самолюбия?

ТИРАНЫ И МУЧЕНИКИ АЙВИ-ХАУСА

В октябре 1912 года в Петербурге закончился процесс по делу Дандре. Его признали виновным в мздоимстве и приговорили к уплате штрафа в размере 36 тысяч рублей, а вплоть до внесения этой суммы — к заключению в долговой тюрьме. Родные, знавшие о том, в каком состоянии находятся его финансы, вздыхали: это равнозначно пожизненному заключению!

Впрочем, через несколько недель Дандре вышел на свободу. Необходимый залог — все 36 тысяч рублей, а точнее — 18 тысяч долларов, внесла... Анна Павлова. «Что ж тут удивительного? — отвечала она на вопросы знакомых. — А зачем же иначе я

ушла бы от Дягилева, танцевала в мюзик-холле, пряталась полуголой в корзинах на вечерах у глупых богатых американок?!» Кто бы мог подумать, что эта женщина способна на такую прямо-таки лебединую верность? — поразился Петербург...

По поддельным документам Дандре выбрался в Лондон, где Анна уже ждала его. Отныне путь в Россию был заказан не только для него, но и для Павловой, потому что очень скоро она стала его законной женой. «Мы повенчались в церкви под секретом. Я так сму и объявила: «Если ты кому-нибудь скажешь, что мы женаты, между нами все кончено. Я под поезд брошусь». Я теперь Павлова. Теперь мне плевать на какую-то «мадам Дандре». Пусть все думают, что он просто так при мне. Он ведь мой, только мой», — рассказывала Анна подруге. Радость победы (ей все-таки удалось выйти за него!), сладость мести (пусть теперь почувствует, каково-то ощущать, что ты не ровня любимому чело-

Анна была нарасхват и как фотомодель, и как манекеница. Рекламовала Дома моды, туфли, духи...

КУМИРЫ XX ВЕКА

HULTON ARCHIVE/FOOTBANK.COM

В Айви-Хаусе. Хэмпстед. 1920 г.

веку!) и жгучее счастье, что Дандре рядом, — все эти чувства свились для нее в один клубок ликования!

Сразу после свадьбы супруги купили просторный коттедж в Англии, в Хэмпстед. Имение называлось Айви-Хаус: там было около 6 акров земли с подстриженными деревьями, лужайкой, огромным полем тюльпанов и прудом, где круглый год плавали лебеди с подрезанными крыльями. Один из них, по имени Джек, был предан Павловой, как собака, ходил за ней по пятам и охотно брал еду из ее рук. В оранжерее стояли многочисленные клетки с птицами. Многие из них погибли в неволе, заставляя великую балерину горько плакать. Но из каждой гастрольной поездки она привозила все новых и новых пленников.

Впрочем, был в Айви-Хаусе один страдалец, которому, по всеобщему мнению, жилось еще хуже, чем экзотическим птицам. Это был Дандре! Павлова все без малого двадцать лет их брака изводила его капризами и попреками, бросалась тuffельками и словами, полными презрения и ненависти. «Вы могли бы пощадить меня, Анна, хотя бы при посторонних», — изредка цедил Дандре сквозь зубы. Впрочем, иногда Анна принималась истово заботиться о муже, чем изводила его не меньше (в такие дни Айви-Хаус сотрясался от воплей: «Кто осмеливается в моем доме заваривать ему чай?! Кто почистил ему ботинки?! Это мое дело. Вон!»). Знакомым Павлова хвасталась: «Я говорю ему: «Ты теперь должен делать все для меня!» И он молчит. Он знает, что виноват. Пусть терпит. Я его обожаю, поэтому я вправе его третировать. И верьте — в этом его счастье». Что ж, счастье бывает разным... Бывают же мужчины, всем женщинам предпочитающие стерв! Во всяком случае Дандре и помыслить не смел о том, чтобы уйти от жены: истеричной, жестокой, неверной... Да-да! Теперь у Анны то и дело появлялись любовники — эпизодические и постоянные, вроде художника Александра Яковлева. Этот роман длился

около десяти лет — правда, с большими перерывами. Павлова же вечно разъезжала по гастролям!

Главным распорядителем ее труппы был тот же Дандре — и тут уж их роли менялись: во всем, что касалось деловой стороны, он становился настоящим тираном! Как и мечталось ему когда-то на вокзале в Петербурге, Виктор Эмильевич взял в свои руки все расчеты, деловые переговоры, подготовку гастролей, связи с прессой, разработку маршрутов. Багаж тоже сам паковал! Многие осуждали его за жадность: чтобы не платить неустойку, он заставлял Павлову выступать даже тяжело больной. Не позволил отказаться от гастролей в Эквадор, где вспыхнула эпидемия желтой лихорадки. В Мексике велел танцевать под тропическим ливнем. И она, легко оскорблявшая мужа из-за любой мелочи, не смела с ним спорить...

После 1917 года из России в Европу хлынули толпы эмигрантов, среди них было немало и балетных, и далеко не все достойные сумели найти работу. А Павлова получала за вечер по 600 фунтов стерлингов! «Куй железо, пока горячо», — убеждал Дандре, имея в виду «павломанию», которая охватила весь мир, но в любой момент могла пойти на спад. — Нужно максимально использовать момент, когда в кондитерских магазинах расхватывают шоколадные конфеты «Pavlova» с твоей подписью на коробке, в парфюмерных — духи, туалетную воду и мыло с тем же названием, в цветочных — розы пепельно-розового цвета, как твоя пачка в «Менуэте», а в магазинах одежды — расшитые манильские шали с кистями, которые ты ввела в моду!»

Павлова гастролировала так много, как ни одна другая балерина мира! За 22 года бесконечных турне она проделала 500 000 миль по суше и по морю, танцуя не только на сценах больших городов, но и в селениях, где ни разу до нее не ступала ножка на пуантах: у сборщиков фруктов в Калифорнии, у мормонов, в ангарах аэропортов, на товарных складах... В одном только 1925 году Павлова дала 238 представлений и из-

БЕШЕ ПОСТЕЛЬ

чтобы лучше спать
7 7 5 - 2 5 - 2 5

6,7,8 марта
подарок!
каждому покупателю

товар сертифицирован

дизайн марта — фрежус

HULTON ARCHIVE/ФОТОБАНК.COM

Ее называли самой трудолюбивой балериной в мире. Только за год Анна изнашивала 2 тысячи пар балетных туфель

носила 2000 пар балетных туфель. В Индии по окончании спектакля все зрители встали на колени и подняли вверх руки. «Они приняли тебя за божество танца», — шепнул жене Дандре.

Она объездила весь мир, но любила только Россию и еще немного — Англию. В Айви-Хаусе Павлова держала русского повара: он готовил ей гречневую кашу, биточки в сметане, осетрину и черный хлеб. Она отмечала русское Рождество и, оказавшись в северных широтах, неизменно приказывала запрячь в повозку трех лошадей, чтоб было похоже на катание по снегу на тройке... Павлова всеми силами старалась сохранить иллюзию, что в ее жизни ничего не изменилось с тех времен, когда она танцевала в Мариинке. В ее репертуаре за долгие годы эмиграции не появилось ничего стоящего — она танцевала сплошные «выжимки» из петербургского репертуара: одноактные балеты, дивертисмент, концертные номера... Злые языки говорили, что,

оторвавшись от родины, Павлова только тратит накопленное, что на ее манере пагубно сказались требования публики и в ее исполнении появилась искусственность... Прошлое не отпускало Анну, хотя вернуться в него было никак невозможно! Ведь и города такого — Санкт-Петербург — с некоторых пор на земле не существовало. И даже повидаться с собственной матерью Павловой не было позволено.

Впрочем, в 1924 году Советское правительство разрешило Любови Федоровне Павловой выехать в Лондон для свидания с дочерью. Красота и роскошь «Айви-Хауса» бывшую горничную поразила! И каждое новое слово, будь то название экзотического цветка в саду или стиль мебели, она просила записать на отдельную записочку. «Зачем?» — удивлялась Анна. «А как же? Приеду домой, стану соседкам рассказывать, как ты живешь, а нужное слово-то и не вспомню!» Вопрос о том, чтобы остаться с дочерью в Англии, Любовь Федоровна

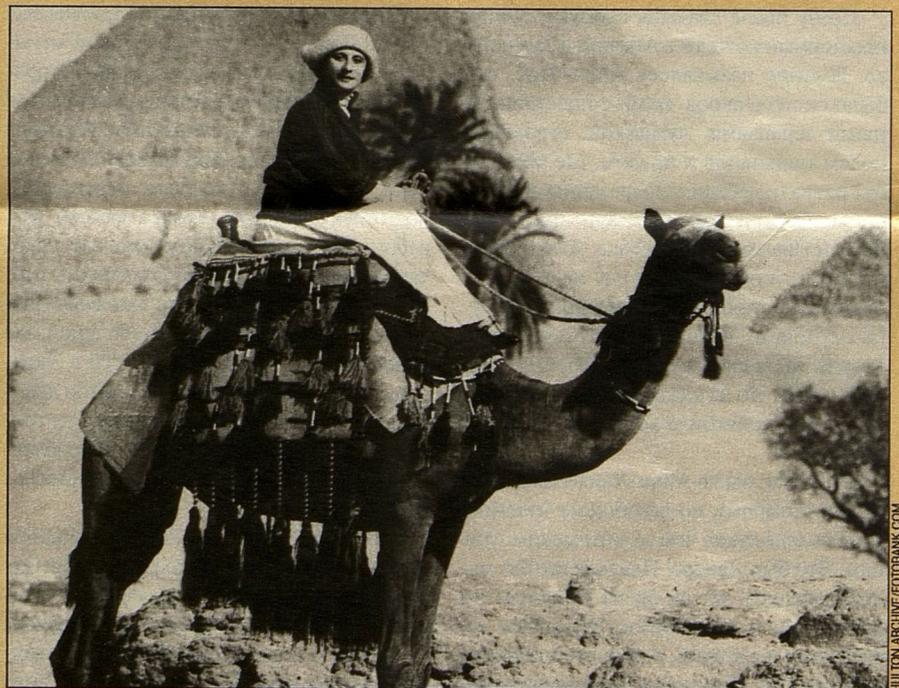
отказывалась даже обсуждать. Через пять дней она уехала в Россию — с несколькими чемоданами подарков и карманами, набитыми записочками. И Анна испытала странное облегчение: в конце концов нежная любовь между ней и матерью существовала скорее в ее мечтах, чем в реальности... «Говорят, каждая женщина рождена для любви, — жаловалась Анна подруге, бывшей балерине, а ныне владелице фермы Наталье Трухановой. — Но меня никто не любит по-настоящему, даже моя мать, и я никого не люблю. Значит, моя жизнь не удалась?» «А как же Дандре? Вы же с ним по-настоящему любите друг друга!» — изумлялась Труханова... «Ах, наша с ним любовь такая странная. Ты даже представить себе не можешь, как я завидую тем женщинам, которые умеют любить просто! Смертельно завидую! Правда, правда! Я вообще, знаешь ли, Натали, страшно завистлива!»

ПЯТНА РЖАВЧИНЫ НА РОЗОВЫХ ЛЕПЕСТКАХ

Говорили, что она специально набирает в свою труппу плохих танцовщиц, чтобы

блистать на их фоне. Может, и так, но Павлова искренне надеялась «вылепить» из своих англичанок что-нибудь приличное, пользуясь единственно знакомыми ей методами Петербургского театрального училища: например, запрещала читать журналы о кино и предлагала в свободное от репетиций время заниматься вышиванием. Порядка в уборных она требовала от своих — весьма уже взрослых — танцовщиц так же строго, как когда-то классные дамы требовали от нее самой.

Конкуренции она не терпела! После того как имя артистки ее труппы Хильды Бутсовой худо-бедно выучили газетчики, Павлова послала той предельно дружеское, полное симпатии письмо: «Моя дорогая Хильда! После многих лет плодотворной совместной работы настала грустная минута расставания...» А с танцовщицей Валентиной Кашубой («Ты настоящая артистка! Мои девочки — тряпки по сравнению с тобой, моя Кашуба!» — частенько говаривала Павлова) она рассталась после того, как на гастролях в Испании король Альфонс XIII, известный ловелас, спросил, приехала ли с Павловой «эта жемчужина — la belle Kachouba». Анна прямо заявила тогда, что

HULTON ARCHIVE/ФОТОБАНК.COM

За 22 года бесконечных турне Павлова проделала 500 тысяч миль и танцевала даже там, где никогда еще не ступала ножка на пуантах. 1925 г.

Правило трех «С»:

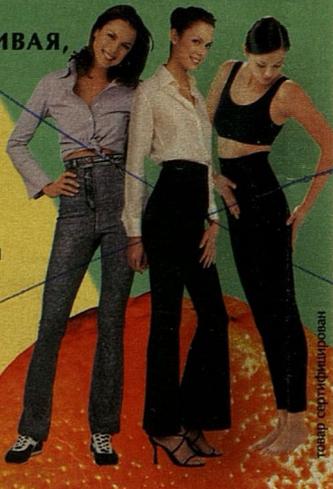
СОВРЕМЕННАЯ, СТРОЙНАЯ, СЧАСТЛИВАЯ, БЛАГОДАРЯ... БРЮКАМ ТУРБОСЕЛЛ!

Антицеллюлитные брюки ТурбоСелл являются наиболее эффективным и простым средством для уменьшения объемов тела и предотвращения целлюлита.

Их секрет заключается в использовании уникального трехслойного материала. Носите эти брюки, и уже через 2 недели Ваша кожа станет более ровной и упругой, жировые отложения значительно уменьшатся, а фигура станет более стройной и подтянутой...

www.turbocell.ru

Turbo Cell ☎ (095) 105-0034

генератор сертификатов

Рецепт от перхоти

Перхоть - это серьезное инфекционное заболевание. Не ищите лекарство в парфюмерном магазине.

Себозол™

- "Себозол", в отличие от косметических шампуней, устраняет в минимальные сроки не только симптомы, но и основную причину появления перхоти - грибок *Pityrosporum Ovale*.
- "Себозол" гораздо дешевле импортных лекарственных шампуней от перхоти.
- "Себозол" достаточно применять только два раза в неделю.
- "Себозол" показан пациентам с чувствительной кожей.
- "Себозол" применяется в комплексной терапии при лечении псориаза.
- "Себозол" используется в период беременности и лактации, а также в детской практике.

СПРАШИВАЙТЕ В АПТЕКАХ ГОРОДА

Справки по телефону: (095) 927-05-61 (звонок по Москве бесплатный) www.apteka.mos.ru
ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ КОМИТЕТА ФАРМАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Производитель: ООО "Фармацевтические Технологии"

Лицензия: Серия ЛП СПб №78-030414

Товар сертифицирован. Сертификат № РОСС RU-AE45.805872

в ее трупке есть только одна жемчужина — она сама, другой нет и быть не может!

Но время — вещь неумолимая, и век балерины недолог. Короче становится дыхание, из программы выпадают номера... Павлова, раньше феноменально тонкая даже для балерины, понемногу стала полнеть. Конечно, она боролась: бесконечно занимаясь у станка, сократив и раньше очень маленькие порции еды до почти микроскопических. Но все было тщетно: Павлова превратилась в усталую, стареющую женщину с очень жилистыми, натруженными руками и больными ногами. Слишком долго она мерзла в неоттапливаемых вагонах, слишком часто преодолевала недомогания и слишком редко отдыхала. «Не могу позволить себе заболеть! — рассуждала она. — Пришлось бы распускать трупку, платить неустойки, потом заново нанимать танцовщиков, перешивать костюмы... Нет, Дандре этого не допустит! Знаю, даже умирать придется на бегу!»

...«Я крепкая-крепкая. Дайте мне лопату! Вот увидите, я эту грядку до конца вскопаю! А туфель не жалко. Они рваные. У меня всегда рваные туфли, а это плохая примета», — тараторила Павлова, вновь оказавшись в гостях у Трухановой. Наталья усмехнулась: мнительность Анны казалась такой забавной! Дурочка! Бойтся грозы, встречи со священником, пустых ведер, да еще и какие-то новые приметы сочиняет... «Ох! — вдруг воскликнула Павлова. Оказалось, она уколола палец о шип розового куста, который взялась пересаживать. — Теперь мы с этим кустом умрем одновременно! Я это знаю точно! Такая примета...» В тот январский день 1931 года, когда Анна заболела, куст покрылся ржавыми пятнами и вскоре погиб.

А все из-за железнодорожной аварии, случившейся возле Дижона. Анна осталась цела и невредима, да только вот ей пришлось в одной пижамке и легком пальто идти пешком до ближайшей станции и там еще двенадцать часов ждать следующего поезда. Было холодно (январь все-таки, хоть и французский), и Павлова подхватила простуду. Лечиться, по своему обыкновению, не стала и по дороге на очередные гастроли в Нидерланды заработала тяжелейший плеврит.

17 января 1931 года Анна Матвеевна

прибыла на гастроли в Гаагу. При входе в «Отель дез Энд», где почетной гостье были приготовлены апартаменты, выстроился весь персонал. Одна худенькая горничная дрожала от холода, и Анна протянула ей свою муфту. Эта голландская девушка оказалась одной из последних, кто видел Павлову... Говорят, врачи обещали спасти балерину при условии немедленной ампутации ребра (тогда жидкость из легких можно было бы откачать). Дандре не согласился: «Если вы ее сегодня прооперируете, она же не сможет завтра танцевать!»

23 января 1931 года в лондонском театре «Аполлон», где в последние годы много выступала Анна, выключили свет и под музыку Сен-Санса лучом прожектора прочертили в темноте сцены путь «умирающего лебедя». Зал молча поднялся. Все знали: сегодня ночью великой балерины на стало...

Она всего 8 дней не дождала до пятидесятилетия! Последними словами Анны были: «Принесите мне костюм лебедя». Распускать «Балет Анны Павловой» Дандре не стал. Пригласив на вакантное место примы знаменитую Ольгу Спесивцеву, он отправился на новые гастроли. Но в Австралии Спесивцева лишилась рассудка, пришлось платить неустойку, и это было началом разорения! Деньги с личного банковского счета Павловой, а также вырученные от продажи «Айви-Хауса», формально достались матери покойной, а на самом деле — Советскому правительству. Дандре наследником не считался — он так и не сумел доказать, что приходился Анне законным мужем. Факт их брака хранился в строгой тайне, так что свидетелей быть не могло. А незадолго до смерти великая балерина забрала из банковского сейфа все свои бумаги, среди которых было и свидетельство о браке. Куда она их делала? Неизвестно. Возможно, передоверила другому банку, позабыв известить мужа. А может, это была ее последняя месть за былые обиды? «У нас оставался бы шанс выиграть дело, если бы вы поженились еще в России! Можно было объяснить исчезновение документов революционной неразберихой», — корил Виктора Эмильевича его адвокат... «Анна тоже считала, что я должен был жениться на ней гораздо раньше», — усмехался Дандре.

Ирина ЛЫКОВА

17 января 1931 года Анна прибыла на гастроли в Нидерланды — уже неизлечимо больная